

дапскаго вѣдомства представленія о принятіи на службу вносятся въ Инспекторскій Отдѣлъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи непосредственно тѣми начальствами, отъ коихъ, по силѣ дѣйствующихъ законовъ, зависитъ такое опредѣленіе“, при этомъ къ представленіямъ о принятіи на службу прилагаются вѣдомости со свѣдѣніями о лицѣ, принимаемомъ на службу. 5) По § 81 лит. б. п. 4 устава духовныхъ академій, избраніе кандидатовъ на должность доцентовъ значится въ числѣ дѣлъ совѣта академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: 1) Благопочтительнѣйше ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи совѣту академіи допустить къ чтенію лекцій по вакантной кафедрѣ еврейскаго языка и библейской археологіи кандидата богословія Павла Тихомирова въ качествѣ исправляющаго должность доцента академіи. II) Объявить кандидату Тихомирову, что для опредѣленія на должность доцента академіи по означенной кафедрѣ онъ долженъ получить степень магистра, согласно § 55 устава духовныхъ академій, не позже двухъ лѣтъ со дня допущенія къ исправленію должности. III) Въ случаѣ допущенія П. Тихомирова къ чтенію лекцій, благопочтительнѣйше просить Его Высокопреосвященство представить въ Инспекторскій Отдѣлъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи о принятіи Тихомирова на службу въ Академію въ качествѣ исправляющаго должность доцента, съ приложеніемъ требуемыхъ закономъ свѣдѣній о немъ.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „Мая 7. Первый пунктъ опредѣленія утверждается; по второму объявить; третій исполненъ“.

29 МАЯ.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Архимандрита Антонія, члены Совѣта Академіи, кромѣ

профессоровъ: В. О. Ключевского, Е. Е. Голубинскаго, не присутствовавшихъ по болѣзни, М. Д. Муретова, не присутствовавшаго по семейнымъ обстоятельствамъ и Г. А. Воскресенскаго, находящагося въ отпуску.

Слушали: I. а) Сданный **Его Высокопреосвященствомъ** съ надписью: „Апр. 16. Исполнять неопустительно“ указъ на имя **Его Высокопреосвященства** изъ Святѣйшаго Синода отъ 10 Апрѣля сего года за № 1571:

„По указу **Его Императорскаго Величества** Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 21 Февраля сего года за № 46 (по Учебному Комитету) о настоящемъ положеніи дѣла по преподаванію наукъ въ духовныхъ академіяхъ и Священнаго Писанія въ духовныхъ семинаріяхъ. Приказали: Принимая во вниманіе, что въ произведеніяхъ новѣйшей духовной литературы нерѣдко встрѣчаются совершенно несвойственные православной богословской наукѣ сужденія и способъ выраженія мыслей, а въ умственномъ и нравственномъ настроеніи воспитанниковъ духовныхъ академій примѣчается часто несоотвѣтствіе указанной въ уставѣ сихъ заведеній цѣли академическаго образованія (уст. дух. акад. § 1) и относя печальныя явленія сего рода къ недостаткамъ преподаванія въ духовныхъ академіяхъ, Святѣйшій Синодъ находитъ необходимымъ поставить дѣло обученія въ духовныхъ академіяхъ подъ ближайшій свой надзоръ и посему опредѣляетъ: поручить Вашему Преосвященству 1) предписать Совѣту Московской Духовной Академіи—а) обязать преподавателей, за исключеніемъ преподавателей древнихъ языковъ и лекторовъ новѣйшихъ языковъ, составить программы по преподаваемымъ ими наукамъ и представить ихъ Совѣту не позднѣе начала будущаго учебнаго года, съ тѣмъ, чтобы Совѣтъ, по надлежащемъ разсмотрѣніи и утвержденіи ихъ, согласно требованію § 81 а. п. 3 академическаго устава, представилъ ихъ въ Святѣй-

шій Синодъ къ 1 Января 1896 г. и б) въ годичные отчеты о состояніи Академіи вносить свѣдѣнія о томъ, выполнены ли преподавателями учебныя программы и что изъ положеннаго курса осталось не пройденнымъ и 2) подтвердить Ректору Академіи имѣть строгое наблюденіе за направленіемъ преподаванія; о чемъ для зависящихъ распоряженій послать Вашему Преосвященству указъ“.

б) Сданный **Его Высокопреосвященствомъ** съ надписью: „Апр. 16. Къ соблюденію“ указъ на имя **Его Высокопреосвященства** изъ Святѣйшаго Синода отъ 12 Апрѣля сего года за № 1586.

„По указу **Его Императорскаго Величества** Святѣйшій Правительствующій Синодъ, признавая несоотвѣтственнымъ, чтобы совѣты духовныхъ академій по собственному усмотрѣнію входили въ сужденіе объ ученыхъ трудахъ Преосвященныхъ архіереевъ, на предметъ удостоенія ихъ докторской степени независимо отъ желанія и воли самихъ Преосвященныхъ, находитъ необходимымъ воспретить на будущее время совѣтамъ академій возбуждать, по собственному усмотрѣнію, дѣла объ удостоеніи Преосвященныхъ докторской степени, если сами Преосвященные не будутъ искать, въ установленномъ порядкѣ, сей степени или со стороны Святѣйшаго Синода не послѣдуетъ по сему предмету особаго распоряженія; о чемъ и опредѣляетъ: для зависящихъ къ исполненію распоряженій послать Вашему Преосвященству указъ“.

Опредѣлили: Указы Святѣйшаго Синода и резолюціи **Его Высокопреосвященства** принять къ исполненію.

II. а) Сданный **Его Высокопреосвященствомъ** съ надписью: „Мая 26. Въ совѣтъ академіи“ указъ на имя **Его Высокопреосвященства** изъ Святѣйшаго Синода отъ 10 Мая сего года за № 2258:

„По указу **Его Императорскаго Величества**, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) представ-

леніе Вашего Преосвященства, отъ 21 Февраля сего года за № 123, по ходатайству Совѣта Московской Духовной Академіи объ утвержденіи законоучителя второй классической гимназіи города Пензы, кандидата богословія, священника Василя Васильева въ степени магистра богословія за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе, подъ заглавіемъ „Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ“, Москва, 1893 г. и 2) прилагаемый при семъ въ копіи отзывъ о названномъ сочиненіи. *Приказали*: Принимая во вниманіе, что сочиненіе священника Васильева, подъ заглавіемъ: „Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ“, въ виду указанныхъ въ прилагаемомъ при семъ въ копіи отзывѣ недостатковъ, не можетъ быть признано въ настоящемъ его видѣ удовлетворительнымъ для присужденія автору степени магистра богословія, Святейшій Синодъ опредѣляетъ: поручить Совѣту Московской Духовной Академіи предложить автору исправить означенное сочиненіе согласно изложеннымъ въ отзывѣ указаніямъ и, по исправленіи, вновь представить; о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ съ приложеніемъ копіи съ отзыва для объявленія автору“.

б) Копію съ отзыва о сочиненіи священника Василя Васильева:

Своимъ изслѣдованіямъ Васильевъ предпосылаетъ введеніе.

Въ введеніи замѣчаются противорѣчія автора собственнымъ его мыслямъ, заключающимся какъ въ самомъ введеніи, такъ и въ другихъ главахъ его сочиненія. Такъ 1) на стр. 11 дѣло канонизаціи, по мнѣнію автора, во время отъ половины XI вѣка до половины XVI вѣка болшею частію представляется такъ: „умираетъ какой нибудь подвижникъ, извѣстный святостію своей жизни, послѣ его смерти, спустя долгое или короткое время, является житіе его, затѣмъ служба, начинаютъ строить въ честь его храмы и праздновать день смерти; словомъ: начинается почитаніе

церковнос, что несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствуется уже, что умершій признанъ за святаго, или канонизованъ. Но когда эта канонизація совершилась и какъ, объ этомъ свѣдѣннй не сохранилось, потому что не находимъ акта канонизаціи“. Подобная мысль автора можетъ смущать благочестивое христіанское чувство, какъ свидѣтельствующая, будто канонизація святыхъ отъ XI до XVI вѣка совершалась безъ ясныхъ и основательныхъ поводовъ, безъ отчетливаго разсужденія. Главное же самъ же авторъ на слѣдующей 12 страницѣ указываетъ разные источники для опредѣленія времени канонизаціи святыхъ, на страницѣ же 18 говоритъ о лѣтописяхъ, какъ необходимыхъ источникахъ исторіи канонизаціи, заключающихъ въ себѣ указанія и свѣдѣнія, драгоцѣнныя при изслѣдованіи канонизаціи святыхъ. Затѣмъ въ главѣ II авторъ исчисляетъ цѣлый рядъ святыхъ, указывая, на основаніи разныхъ источниковъ, время и порядокъ ихъ канонизаціи. 2) На стр. 8 авторъ говоритъ: „установленіе праздника въ честь святаго и внесеніе имени его въ календарь или святцы составляютъ главнѣйшія и существеннѣйшія формы, въ которыхъ выражается и сопровождается канонизація святыхъ“. На страницѣ же 14 онъ утверждаетъ, что прославленіе того или другаго святаго не всегда сопровождалось внесеніемъ его имени въ святцы или мѣсяцесловы. 3) Замѣчаются также нѣкоторыя противорѣчія въ разсужденіяхъ автора о житіяхъ святыхъ и о службахъ въ честь ихъ, какъ способствующихъ опредѣленію времени канонизаціи святыхъ, на стр. 15, 16 и 17. Нельзя при этомъ не обратить вниманія на взглядъ автора относительно происхожденія службъ въ честь нѣкоторыхъ святыхъ, могущій смущать благочестивое чувство: случилось, что какой нибудь грамотей, особенно ревнуя о почитаніи и прославленіи святаго, по своей собственной инициативѣ составлялъ службу ему. Конечно, въ первое время она не имѣла церковнаго значенія, будучи употребляема въ

частной, домашней молитвѣ. Но потомъ таже ревность, которая побудила написать службу святому, побуждала составителя ея распространять ее въ обществѣ, вслѣдствіе чего кругъ ея читателей расширился: она уже является во многихъ спискахъ.

Кромѣ указанныхъ противорѣчій, въ введеніи допущены неточности довольно важныя: 1) На стр. 6 и 7 авторъ рассуждаетъ, что канонизація не можетъ быть дѣломъ народа, а должна быть дѣломъ самой церкви и высшихъ представителей ея власти на землѣ и опредѣляетъ, что канонизація святыхъ есть причисленіе высшею церковною властію того или другаго лица къ лику святыхъ. Такимъ образомъ, авторъ совершенно отчуждаетъ пасомыхъ, хотя и они суть живые члены церкви, отъ всякаго рода участія въ дѣлѣ канонизаціи святыхъ, и не обращаетъ никакого вниманія на то, что нерѣдко благочестивое почитаніе народомъ того или другаго подвижника благочестія, вѣра его въ благодать Божию, присущую святому и по смерти и въ силу его ходатайства предъ Богомъ, и стеченіе народа къ останкамъ подвижника благочестія нерѣдко побуждала самую власть церковную обратить вниманіе на этого подвижника, приступить къ разнымъ предварительнымъ мѣрамъ относительно канонизаціи его и потомъ причислить его къ лику святыхъ. Вообще авторъ почти ни разу въ своихъ изслѣдованіяхъ не сказалъ о почитаніи со стороны народа подвижниковъ благочестія, о вѣрѣ народа въ благодать Божию, присущую подвижникамъ, въ силу ихъ молитвъ, какъ о нѣкоторыхъ основаніяхъ канонизаціи святыхъ. 2) Авторъ говоритъ о подвижникахъ благочестія, что они показали чудеса подвижничества, достойныя удивленія и *недоступныя для подражанія*. Мысль, будто подвиги святыхъ недоступны для подражанія, очевидно, неточная. Господь и св. церковь для того и прославляютъ подвижниковъ благочестія, чтобы имъ подражали. Св. Апостоль Павелъ убѣж-

даетъ христіанъ *помянуть наставниковъ, иже глаголаше имъ слово Божіе, и подражать вѣрѣ ихъ* (Евр. XIII, 7). Авторъ утверждаетъ, что святые послѣ своей смерти, за святую и благочестивую жизнь становятся сосудами благодати Божіей. А святость и благочестіе во время земной жизни святыхъ что такое, какъ не плоды благодати Божіей, жившей и дѣйствовавшей въ нихъ? Значить святые не по смерти только, но и при земной жизни ихъ суть сосуды благодати Божіей.

Первую главу своего сочиненія авторъ озаглавливаетъ: краткій очеркъ канонизаціи святыхъ въ Греческой церкви и дѣлаетъ этотъ очеркъ для того, чтобы свѣдѣніями о канонизаціи святыхъ въ Греческой церкви разъяснить исторію канонизаціи въ Русской церкви. А между тѣмъ самъ большею частію въ доказательство своихъ разсужденій и предположеній приводитъ свѣдѣнія и примѣры изъ практики западной церкви, а на страницахъ 54—55, утверждая, что въ Греческой церкви право канонизаціи принадлежало епископамъ, въ доказательство этого положенія ссылается на канонизацію святыхъ въ Русской церкви и такимъ образомъ, по выраженію профессора Голубинскаго, допускаетъ такъ называемый *circulus curiosus*, т. е. стараясь исторію греческой канонизаціи объяснить канонизацію Русской церкви, ссылается на данныя сей послѣдней, чтобы сдѣлать заключеніе о первой.

Въ первой же главѣ авторъ предлагаетъ очень растянутое разсужденіе о диптихахъ, календаряхъ, святцахъ и мѣсяцесловахъ, хотя для дѣла можно бы было ограничиться краткимъ взглядомъ на диптихи и календари, какъ на источники канонизаціи святыхъ. Въ длинномъ же разсужденіи его не достааетъ ясности и раздѣльности въ понятіяхъ о диптихахъ и календаряхъ, особенно о взаимномъ отношеніи ихъ.

Въ той же первой главѣ на стр. 52—53 авторъ, ут-

верждая, что въ западной церкви въ XII вѣкѣ право канонизаціи святыхъ переходитъ къ папѣ, далѣе говоритъ: „въ Восточной церкви, гдѣ не существовало такой централизаціи духовной власти, какую на западѣ имѣли папы, право совершенія канонизаціи и послѣ XII вѣка принадлежало епископамъ, или вообще предстоятелямъ церквей. Можетъ быть, и здѣсь, если бы были болѣе благоприятныя условія для Константинопольскаго патріарха, послѣдній приобрѣлъ бы такое же значеніе въ Восточной церкви, какое имѣлъ папа въ Западной церкви. Но на востокѣ трудно было патріарху Константинопольскому возвыситься надъ прочими, при существованіи рядомъ грубой силы Византійскаго цезаризма, который тяжелымъ гнетомъ давилъ церковную власть. Высшая іерархія здѣсь была связана по рукамъ и ногамъ въ своемъ самоуправленіи“. Такой отзывъ автора представляется неблаговиднымъ и неумѣстнымъ. Положеніе патріарха въ Восточной церкви можно объяснить гораздо проще, вовсе не прибѣгая къ именуемому авторомъ и поносимому имъ Византійскому цезаризму. Патріархи Константинопольскіе никогда не присвоили себѣ достоинства главы церкви и, руководясь смиреніемъ во взглядахъ на себя, не старались стѣснять власти другихъ патріарховъ и даже епископовъ, какъ вообще въ управленіи епархіями, такъ и въ частности въ дѣлѣ канонизаціи святыхъ.

Во 2 главѣ, озаглавленной: Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ до Макарьевскихъ соборовъ 1547—1549 гг., допускаются разныя произвольныя, неосновательныя предположенія. Вотъ нѣкоторые примѣры подобныхъ предположеній:

1) Извѣстно, что мощи преподобнаго Θεодосія Печерскаго открыты 14 Августа 1091 года. Затѣмъ въ 1108 году, по просьбѣ Игумена Печерскаго Θεоктиста, князь Святополкъ повелѣлъ Митрополиту вписать Θεодосія въ синодикъ въ Кіевѣ и по всѣмъ епископіямъ. Всѣ епископы съ ра-

достію вписали и стали поминать преподобнаго на всѣхъ соборахъ. Очевидно, что всеобщая канонизація преподобнаго Θεодосія совершалась въ 1108 году. Но авторъ не признаетъ этой канонизаціи на основаніи одного сказанія первой Псковской лѣтописи, которое можно понимать совсѣмъ не такъ, какъ понимаетъ авторъ, и предполагаетъ, что празднованіе памяти Преподобнаго Θεодосія ввелось само собою постепенно, въ періодъ домонгольскій. Нельзя при этомъ не замѣтить, что авторъ, говоря о сокрытіи мощей преподобнаго Θεодосія при нашествіи Батя, не благочестно выражается о ракъ Преподобнаго. Въ настоящее время, говоритъ онъ, въ соборной или главной церкви Печерскаго монастыря находится только его Кенотафъ, одна ничего не содержащая въ себѣ рака, составляющая только какъ бы памятникъ. Нѣтъ, рака Преподобнаго Θεодосія есть не просто памятникъ, а святыня, чтимая русскимъ народомъ, какъ содержащая въ себѣ мощи особеннаго избраннаго сосуда благодати Св. Духа.

2) На основаніи разныхъ своихъ соображеній, изъ которыхъ съ нѣкоторыми трудно согласиться, авторъ утверждаетъ, что во весь домонгольскій періодъ не было установлено не только общаго, но и даже мѣстнаго празднованія въ честь св. Равноапостольнаго Князя Владиміра, и приходитъ къ заключенію, что празднованіе Просвѣтителю установлено не въ Кіевѣ, а въ Новгородѣ св. Александромъ Невскимъ совмѣстно съ Архіепископомъ Спиридономъ въ 1240 году. Одержавъ Невскую побѣду 15 Іюля сего года, сопровождавшуюся сильнымъ религіознымъ одушевленіемъ, Александръ Невскій могъ приписать ее заступничеству предъ Богомъ св. Владиміра, скончавшагося 15 Іюля, и въ память славной своей побѣды и въ ознаменованіе заступничества св. Владиміра предъ Богомъ, установилъ въ Новгородѣ празднованіе св. Владиміру въ 15 день Іюля. Такимъ образомъ авторъ отнесъ начало празд-

нованія въ честь св. Владиміра къ 1240 году и притомъ не въ Кіевѣ, а въ Новгородѣ, хотя несомнѣнно, что Провсвѣтитель Россіи при погребеніи былъ положенъ въ храмъ въ мраморномъ гробѣ и память его чтилась народомъ со времени погребенія его. Затѣмъ авторъ задается вопросомъ, почему же Русская церковь не установила празднованія св. Владиміру на первыхъ же порахъ и отвѣчаетъ: причиною этого были излюбленные пиры Владиміра азычника. Они то могли смущать и затруднять совѣсть народную признать Владиміра святымъ, ибо пиры и святость, которой, по позднѣйшимъ впавшимъ въ односторонность покаяніямъ, сталъ непремѣннымъ условіемъ аскетизмъ, должны были представиться вещами, трудно совмѣстимыми. Но очень странно, почему совѣсть народная могла смущаться именно пирами, которыми Владиміръ предавался въ язычествѣ; тогда какъ во дни язычества были допускаемы имъ болѣе тяжкіе грѣхи, на примѣръ принесеніе идоламъ человѣческихъ жертвъ, и тогда какъ народъ, конечно, зналъ, что въ св. крещеніи человѣкъ очищается и оправдывается отъ всѣхъ грѣховъ.

3) По Никоновской лѣтописи епископъ Ростовскій Іоаннъ, преемникъ св. епископа Леонтія, установилъ праздникъ въ честь его съ благословенія Митрополита Θεодора. Авторъ не признаетъ этого и утверждаетъ, что епископъ Іоаннъ установилъ праздникъ св. Леонтія безъ благословенія Митрополита, на томъ основаніи, что онъ нигдѣ не нашелъ подтвержденія извѣстія Никоновской лѣтописи и что въ Греческой церкви канонизація святыхъ совершалась мѣстными епископами. Но едва ли можно признать достаточными эти основанія? Нельзя не согласиться съ профессоромъ Голубинскимъ, который въ своемъ отзывѣ говоритъ слѣдующее: допустить, или предполагать, чтобы епископы не испрашивали дозволенія у Митрополита, т. е. на канонизацію святыхъ, представляется маловѣроятнымъ. Правило канони-

ческое преднисываетъ, чтобы епископы ничего важнаго не дѣлали безъ вѣдома Митрополита (Ант. Соб. Пр. 9), канонизація же святыхъ несомнѣнно принадлежитъ къ числу дѣлъ важныхъ. Говоря, что канонизація святителя Леонтія совершалась безъ благословенія Митрополита и была только мѣстная, авторъ, однакожь, признаетъ, что празднованіе св. Леонтію очень выходитъ за предѣлы Ростовской области и принимаетъ характеръ всеобщій. Причиною этой перемѣны въ празднованіи святителю Леонтію были политическія стремленія князей Сѣверной Руси, послужившія причиною отдѣленія Сѣверной Руси отъ Южной. Самымъ яркимъ представителемъ этихъ стремленій былъ князь Андрей Боголюбскій, замышлявшій даже учредить во Владимірѣ отдѣльную отъ Кіевской Митрополию. Прославленіе перваго на Сѣверѣ святаго Леонтія давало освященіе этимъ политическимъ стремленіямъ. Но едва ли Андрей Боголюбскій, князь весьма благочестивый, просвѣщенный и вполнѣдствіи причтенный къ лику святыхъ, могъ не понимать, что церковь есть царство не отъ міра сего, и что политическія стремленія не должны имѣть вліянія на дѣла церкви. Главное же тутъ выходитъ странность: епископъ Іоаннъ совершилъ канонизацію св. Леонтія около 1190—1194 года, а св. Андрей Боголюбскій былъ убитъ въ 1174 году. Какимъ же образомъ политическія стремленія Андрея Боголюбскаго могли имѣть вліяніе не только на мѣстную канонизацію Святителя Леонтія, но и на распространеніе этой канонизаціи внѣ предѣловъ Ростовскихъ по всѣй Сѣверной Руси?

4) Политическими же стремленіями авторъ безъ достаточныхъ основаній объясняетъ вторую канонизацію святителя Московскаго Петра, совершенную спустя 12 лѣтъ по кончинѣ его въ 1339 году съ разрѣшенія патріарха Константинопольскаго Митрополитомъ Феогностомъ для всеобщаго прославленія этого великаго угодника Божія. Если, по мнѣнію автора, первая канонизація святителя Петра,

совершенная вскорѣ, по его кончинѣ, Ростовскимъ Епископомъ Прохоромъ, который по порученію Великаго князя Іоанна (Калиты) во Владимірскомъ соборѣ торжественно прочиталъ сказаніе о чудесахъ, совершившихся при гробѣ святителя Петра, и потомъ составилъ службу ему и житіе его, было не болѣе, какъ только мѣстная: то естественно было Митрополиту Теогносту, питавшему, какъ это видно изъ донесенія его патриарху, глубокое благоговѣйное почтеніе къ святителю Петру, и видѣвшему многія чудеса при гробѣ его, стараться о торжественной канонизаціи Святителя для установленія всеобщаго прославленія его. Нѣтъ, авторъ утверждаетъ, что причиною второй канонизаціи святителя Петра были политическія стремленія, хотя Митрополитъ Теогностъ въ своемъ донесеніи патриарху не дѣлаетъ и намека на подобныя стремленія, и даже вовсе не упоминаетъ о Великомъ князѣ Іоаннѣ. Москва, говоритъ авторъ, въ концѣ XIII вѣка начинаетъ въ политическомъ отношеніи болѣе и болѣе возвышаться, подчиняя своему вліянію другія удѣльныя княжества. Ея политическіе дѣятели употребляютъ всѣ средства, чтобы представить гегемонію своему княжеству. Святитель Петръ изъ церковныхъ дѣятелей является первымъ поборникомъ этой идеи. Канонизація св. Петра, какъ поборника такихъ политическихъ стремленій должна была придать освященіе этимъ послѣднимъ. Безъ второй канонизаціи первая, имѣвшая мѣстный характеръ, могла быть не признана удѣльными князьями, которымъ не могли нравиться поборники московскихъ идей. Чтобы заставить князей въ своихъ удѣлахъ почитать патрона Москвы святителя Петра, Митрополитъ Теогностъ обращается къ Константинопольскому патриарху и его авторитетомъ утверждается канонизація святителя Петра. И такъ, по соображеніямъ автора, не высокія добродѣтели святителя Петра, не чудеса, совершившіяся при гробѣ его, не прославленіе его нетлѣніемъ, а просто политическія

стремленія были причиною торжественной его второй канонизаціи.

Приведши примѣры произвольныхъ предположеній автора, не могу не указать изъ 2 главы сочиненія разныя неосторожныя, неосновательныя, могущія смущать христіанское чувство, мнѣнія и выраженія.

На страницѣ 112 авторъ говоритъ: каждый городъ, особенно уѣздный, каждый, почти монастырь болѣе или менѣе значительный и знаменитый (т. е. въ древнее время до XV вѣка) имѣлъ своего собственнаго святаго, почитаніе котораго въ большинствѣ случаевъ только и ограничивалось этимъ городомъ или монастыремъ. Стр. 146. Условіемъ, способствовавшимъ усилю у насъ мѣстнаго почитанія угодниковъ, доходившаго до исключительности и презрительнаго отношенія, было прежде всего и главнѣе всего раздробленіе русскаго государства на удѣлы и обусловливаемыя послѣднимъ обособленность и разрозненность русскаго народа (скр. 147). Обыкновенно, удѣль, имѣвшій много святыхъ тщеславился ими и дерзаль даже хульно отзываться о святыхъ и подвижникахъ другихъ мѣстностей. Но мѣстное почитаніе святыхъ, жившихъ и подвизавшихся въ извѣстной мѣстности можно прежде всего и главнѣе всего объяснить не раздробленіемъ русскаго народа на удѣлы, а просто благоговѣніемъ и любовію къ угоднику жителей той же мѣстности, въ которой жилъ этотъ угодникъ Божій, поучаль своимъ примѣромъ и словомъ, молился за своихъ соотечественниковъ и благодѣтельствовалъ имъ, и вѣроу, что угодники Божии на небѣ преимущественно ходатайствуютъ предъ Богомъ за ближайшихъ своихъ соотечественниковъ, за которыхъ они и во время земной своей жизни молились и которымъ являли особенную свою любовь. Можно сдѣлать возраженіе и противъ того мнѣнія автора, что почитаніе святаго, жившаго въ извѣстной мѣстности, въ большинствѣ случаевъ ограничивалось этою мѣстностью. Самъ же онъ въ

своемъ сочиненіи указываетъ многихъ святыхъ, почитаніе которыхъ пареходило за предѣлы той мѣстности, гдѣ они жили. Вообще надобно замѣтить, что предки наши были весьма склонны къ почитанію святыхъ не только своихъ мѣстностей, но и другихъ. Отзывъ же, будто предки наши, почитая мѣстныхъ святыхъ, съ пренебреженіемъ, презрительно и даже хульно относились къ святымъ другихъ мѣстностей представляется неосновательнымъ и унижительнымъ для предковъ нашихъ. Въ доказательства такого отношенія предковъ нашихъ къ святымъ другихъ мѣстностей авторъ указываетъ слѣдующіе примѣры: Новгородскій архіепископъ Сергій, родомъ Москвичъ, предъ вѣздомъ въ Новгородъ посѣтивъ Сквородскій монастырь, въ которомъ почиваютъ мощи святителя Новгородскаго Моисея, называлъ этого святителя „смердомъ“. Но единоличное слово Сергія не можетъ служить основаніемъ общаго о русскомъ народѣ отзыва, съ другой стороны изъ Новгородскихъ преданій оказывается, что Архіепископъ Сергій прибылъ изъ Москвы въ Новгородъ въ ненормальномъ состояніи умственныхъ способностей, вскорѣ обнаружилъ явные признаки помѣшательства, и былъ отвезенъ въ Троице-Сергіевъ монастырь. Понятно, что примѣръ такого архіепископа нельзя было приводить въ доказательство отношенія къ святымъ всего русскаго народа. Второе доказательство презрительнаго отношенія нашихъ предковъ къ святымъ другихъ мѣстностей авторъ беретъ съ князей, не считавшихъ грѣхомъ грабить храмы чужихъ областей. Но это явленіе не болѣе, какъ обычный удѣлъ войны древняго времени, когда не существовало такъ называемыхъ въ новѣйшее время контрибуцій, и когда побѣдители брали въ качествѣ трофеевъ то, что казалось имъ болѣе цѣннымъ и важнымъ. Наконецъ, авторъ въ виду доказательства указываетъ на поступокъ Іоанна III въ Хутыскомъ монастырѣ: Іоаннъ III, говорилъ авторъ, пожелалъ видѣть мощи преподобнаго Варлаамія

Хутынскаго, вѣроятно не довѣря ихъ дѣйствительности, но былъ вразумленъ чудеснымъ пламенемъ, вырвавшимся изъ земли. Но какъ этотъ фактъ служитъ доказательствомъ презрительнаго отношенія предковъ нашихъ къ святымъ другихъ мѣстностей, трудно понять. И такъ ли дѣло было, какъ говоритъ авторъ Нѣтъ, въ лѣтописномъ сказаніи, которое самъ авторъ приводитъ въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія (въ примѣчаніи къ 99 страницѣ), говорится, что Великій князь Іоаннъ Васильевичъ въ 1471 году, пришедши въ Хутынъ на поклоненіе, спросилъ игумена Нафанаила, для чего не открываютъ гробъ Чудотворца, чтобы можно было приложиться къ мощамъ его. Игумень отвѣтилъ, что никто никогда не дерзалъ зрѣти мощей Чудотворцевыхъ, тогда князь дерзновенно велѣлъ поднять доску и поднять землю, но внезапно поднялся отъ гроба высокій дымъ и затѣмъ пламень. Князь приказалъ перестать копать и съ ужасомъ вышелъ изъ церкви. Въ этомъ сказаніи очевидно нѣтъ и намека на то, что Іоаннъ III не довѣрялъ дѣйствительности мощей преподобнаго Варлаамія.

Утверждая на стр. 146, что всякій удѣлъ, если не имѣлъ своей святыни, старался приобрѣсти ее, въ примѣръ этого указываетъ на Великаго князя Андрея Боголюбскаго, и говоритъ, что этотъ князь, уѣзжая изъ Кіева, богатаго святынями, не остановился предъ похищеніемъ чудотворной иконы Божіей Матери. Дѣйствительно Андрей Боголюбскій, уѣзжая съ Юга Россіи на Сѣверъ Россіи, взялъ съ собою святую икону Божіей Матери, которая послѣ стала называться Владимірскою. Но онъ уѣзжалъ не изъ Кіева, а изъ Вышеграда, который находился въ верстахъ 10 отъ Кіева, и который составлялъ его удѣлъ. И можно ли такъ дерзко называть хищеніемъ поступокъ св. Андрея Боголюбскаго, когда сама Божія Матерь чудотвореніями отъ этой своей иконы засвидѣтельствовала о своемъ благословеніи св. Андрею взять Ея икону. Еще не доѣзжая

до Владиміра въ Москвѣ отъ Владимірской иконы явлены два чуда. Затѣмъ, въ 9 верстахъ отъ Владиміра, когда св. Андрей молился предъ Владимірскою иконою, Божія Матерь чудесно явилась князю и повелѣла ему не ѣхать въ Ростовъ, а остановиться во Владимірѣ и поставить тамъ Ея св. икону.

На стр. 148 авторъ говоритъ, что благодаря хищничеству князей, въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ очутились: икона Спаса изъ покореннаго Повгорода, изъ Владиміра икона Одигитріи, изъ Пскова икона Псково-Печерская и проч. Но тутъ авторъ, не только дерзко выражается, но и искажаетъ историческій фактъ. Икона Божіей Матери Владимірская никогда не называлась Одигитріею. Такъ именуется Смоленская икона. Великій князь Василій Дмитриевичъ въ 1395 году велѣлъ Митрополиту Кипріану взять изъ Владиміра св. икону Божіей Матери въ Москву по случаю нашествія Тамерлана для народной молитвы предъ иконою о помощи Царицы Небесной противъ страшнаго врага. Дѣйствительно въ тотъ самый день и часъ, когда народъ срѣтилъ въ Москвѣ св. икону Владимірскую и молился предъ нею, Тамерланъ внезапно отступилъ отъ предѣловъ Россійскихъ. Послѣ сего Великій князь повелѣлъ св. икону Божіей Матери, какъ видимое знаменіе заступленія Ею столицы Русскаго Царства и съ нею всей Россіи, оставить на всегда въ Москвѣ въ Успенскомъ Соборѣ.

На стр. 104 говорится объ открытіи мощей Святителя Ростовскаго Исаи и о житіи его, въ которомъ между прочимъ сказано, что мнози же и чудеса быша тогда (при открытіи мощей его) отъ святаго тѣла. При этомъ авторъ странно и голословно замѣчаетъ: какіе чудеса и сколько ихъ, объ этомъ ни слова не сказано, что прямо свидѣтельствуется, что это не больше, какъ обычный житійный литературный приемъ, а не историческій фактъ.

На стр. 107 о св. Аврааміи, Архимандритѣ Ростовскаго Богоявленскаго Монастыря говорится, что житіе его, которыхъ насчитываютъ до трехъ редакцій, явилось не ранѣе XV вѣка, когда жизнь этого святаго успѣла уже принять легендарный характеръ. Въ этихъ легендахъ, которыя въ послѣдующее время соединились съ именемъ преп. Авраамія, весьма трудно разобраться. Итакъ житіе преподобнаго Авраамія, по мнѣнію автора, наполнено легендами.

На стр. 118, говоря о мѣстномъ почитаніи святыхъ, авторъ разсуждаетъ такъ: первое время память того или другаго святаго совершалась только въ монастырѣ или городѣ, гдѣ подвижникъ жилъ и подвизался. Здѣсь (приводятся слова профессора Ключевскаго) въ монастырѣ въ кругу старцевъ, хранителей преданій, жизнь почившаго подвижника рано получала то благоговѣйно настраивающее *гиперболическое* освященіе, въ которомъ черты его, теряя мелкія подробности, сливались въ величественный образъ его, какъ чело-вѣка весьма строгой примѣрной нравственности. Значитъ житія русскихъ святыхъ, которыми такъ назидается народъ нашъ, страдаютъ преувеличеніемъ и не заслуживаютъ полной вѣры.

Въ главахъ сочиненія III и IV также замѣчаются недостатки, именно:

1) Противорѣчіе автора самому себѣ. На стр. 157 утверждается, что на соборахъ 1547 и 1549 г. г., называемыхъ у автора Макарьевскими, установлена общецерковная канонизація святыхъ, и что со времени сихъ соборовъ святые начали быть канонизуемы не къ мѣстному, а къ общему празднованію. Но самъ же авторъ на страницахъ 170 и 171 перечисляетъ многихъ святыхъ, которымъ на соборѣ 1547 года положено было праздновать мѣстно; на другихъ же страницахъ у него также указываются разные святые, которымъ и послѣ вышеозначенныхъ соборовъ положено было мѣстно праздновать. На той же 157 страницѣ

авторъ утверждаетъ, что на Макарьевскихъ Соборахъ формулируются, вводятся въ практику церкви опредѣленные правила канонизаціи, которыя потомъ сдѣлались у насъ постояннымъ руководствомъ при совершеніи ея, и указываются новыя основанія и условія канонизаціи. Но на стр. 202 говорится, что Макарьевскіе соборы не сдѣлали чего-нибудь новаго, прежде неизвѣстнаго, а только точнѣе формулировали и своимъ авторитетомъ санкціонировали то, что и прежде существовало.

Излюбленная авторомъ манера объяснять разныя явленія, относящіяся къ канонизаціи святыхъ, политическими стремленіями, видна и въ III и IV главахъ. Стр. 183 и 218. На вопросъ, почему въ XIV вѣкѣ у насъ почитаніе святыхъ изъ мѣстнаго дѣлается общимъ, авторъ отвѣчаетъ такъ: Усиленіе центральной власти Русской церкви (т. е. въ лицѣ сначала Митрополитовъ, а потомъ Патріарховъ Всероссійскихъ, сила которыхъ увеличилась при централизаціи власти гражданской) необходимо должно было отразиться и на канонизаціи святыхъ и уничтожить мѣстность ихъ почитанія. Съ другой стороны, новыя по паденіи Царьграда, возрѣнія на Русскую церковь, какъ на единственную представительницу православія, побуждали Церковь собрать въ одно цѣлое всѣ мѣстныя преданія о святыхъ и сдѣлать почитаніе ихъ общимъ, чтобы наглядно показать, что наша церковь по количеству въ ней угодниковъ Божіихъ вполне можетъ соответствовать своему новому положенію. Такое разсужденіе не только страдаетъ преувеличеніемъ, но и унижительно для церкви, которая канонизуетъ святыхъ по указанію свыше, проявляемому въ нетлѣннн и чудесахъ ихъ, за ихъ добродѣтели и подвиги, во славу Господа Бога и Его благодати, жившей и дѣйствовавшей во святыхъ во время земной ихъ жизни.

Въ III и IV главахъ (стр. 181, 182, 196, 234, 235) проводятся мысли, что свидѣтельствованіе житій святыхъ

на соборахъ Макарьевскихъ и послѣ него касалось только внѣшней стороны или формы ихъ, а не содержанія: Отцы соборовъ, просматривая житія и каноны, наблюдали главнымъ и преимущественнымъ образомъ за тѣмъ, соотвѣтствуетъ извѣстное житіе установившемуся тогда у насъ житійному стилю или нѣтъ. Если соотвѣтствовало, то одобрялось для церковнаго употребленія, если же нѣтъ, то исправлялось или же было поручаемо написать новое житіе.

На 218 же страницѣ говорится слѣдующее: „Послѣ паденія Византіи, въ Россіи стало господствовать убѣжденіе, что православіе на Востокъ пало, Византія должно уступить церковное первенство Россіи, и что на Руси, по волѣ Божіей, явился рядъ стольже великихъ святыхъ, какъ и греческіе, что число ихъ безмѣрно велико и невозможно постигнуть, сколько въ Святой Россіи просіяло угодниковъ Божіихъ къ славѣ и похвалѣ Божіей. Эта идея и побуждала составителей нашихъ святцевъ вносить въ нихъ, какъ можно, болѣе святыхъ. Но эта полнота святцевъ можетъ служить свидѣтельствомъ, что они стояли внѣ надзора высшей церковной власти, будучи предоставлены произволу переписчиковъ или тѣхъ лицъ по порученію которыхъ они писались“. Приведенныя мысли автора могутъ смущать благочестивое христіанское чувство и возбуждать мнѣніе, будто разные Россійскіе угодники Божіи канонизованы и внесены въ святцы безъ существенныхъ и твердыхъ основаній.

Слогъ сочиненія не можетъ быть признанъ обработаннымъ и совершенно правильнымъ. Вотъ образчики слога автора: (стр. 41) хотя въ календари не вносились тѣ, именъ которыхъ не было въ диптихамъ, однако многіе изъ умершихъ Патріарховъ читались въ диптихахъ, однако дней памяти ихъ въ календаряхъ не находимъ (стр. 6.) Канонизація святыхъ не можетъ быть дѣломъ народа, а дѣломъ самой церкви и высшихъ представителей ея власти. Вообще, по отзыву рецензента профессора Ключевского, со-

чиненіе Васильева не обработано, съ каковымъ отзывомъ и я соглашаюсь.

Въ виду многихъ недостатковъ разсматриваемаго сочиненія, стѣсняюсь признать Васильева за это сочиненіе въ настоящемъ его видѣ достойнымъ степени магистра церковной исторіи“.

Опредѣлили: 1) Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣдѣнію и исполненію. 2) Приложенную при указѣ копію съ отзыва объявить священнику Василию Васильеву.

Ш. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „Мая 27. Въ совѣтъ Академіи“ указъ на имя **Его Высокопреосвященства** изъ Святѣйшаго Синода отъ 24 Мая сего года за № 2359: По указу **Его Императорскаго Величества**, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали Представленіе Вашего Преосвященства, отъ 30 минувшаго Апрѣля за № 253, въ коемъ ходатайствуете: 1) объ учрежденіи при Московской духовной академіи стипендіи имени Преосвященнаго Макарія, бывшаго архіепископа Донскаго, на проценты съ завѣщаннаго симъ Преосвященнымъ капитала въ 5000 рублей, заключающагося въ 4⁰/₁₀₀ свидѣтельствахъ Государственной ренты, и 2) объ утвѣжденіи проекта положенія о сей стипендіи.

Приказали: По разсмотрѣніи изъясненнаго представленія Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ, руководствуясь Высочайшимъ повелѣніемъ 9 Мая 1881 г., опредѣляетъ: 1) учредить при Московской духовной академіи стипендію имени Преосвященнаго Макарія, бывшаго архіепископа Донскаго на проценты съ завѣщаннаго симъ Преосвященнымъ капитала въ *пять тысячъ* рублей, съ тѣмъ, чтобы выдача сей стипендіи была произведена не ранѣе того времени, когда процентовъ съ капитальной суммы, за уплатою государственнаго сбора, будетъ поступать не менѣе 220 рублей, назначаемыхъ нынѣ на содержаніе казеннокоштнаго студента, и 2) проектъ положенія о сей стипендіи утвердить; о чемъ,

для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ, съ приложеніемъ копиі съ положенія, для руководства, въ потребныхъ случаяхъ, академическому совѣту“.

б) Копію съ положенія о стипендіи имени Преосвященнаго Макарія, бывшаго архіепископа Донскаго при Московской духовной академіи:

§ 1.

„На проценты съ завѣщаннаго Преосвященнымъ Макаріемъ, бывшимъ архіепископомъ Донскимъ, капитала, заключающагося въ 4^о/_о свидѣльствахъ государственной ренты, на сумму *пять тысячъ* рублей, учреждается при Московской духовной академіи стипендія имени названнаго Преосвященнаго.

§ 2.

Стипендія назначается Совѣтомъ академіи, съ утверженія Епархіальнаго Преосвященнаго, на четыре года одному изъ своекоштныхъ студентовъ академіи, по происхожденію преимущественно изъ Рязанской епархіи.

§ 3.

Если стипендія освободится прежде окончанія стипендіатомъ полнаго академическаго курса (вслѣдствіе, напр., смерти стипендіата или увольненія его изъ академіи), то она назначается порядкомъ, указаннымъ въ § 2.

§ 4.

Стипендія не соединяется ни съ какимъ обязательствомъ для стипендіата.

Подлинное положеніе утверждено опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 12—22 Мая 1895 г. за № 1369“.

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ руководству и исполненію.

IV. Сланный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „Мая 27. Объявить и дипломъ выдать“ указъ на имя Его

Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 24 Мая сего года за № 2361:

„По указу **Его Императорскаго Величества**, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали представленіе Вашего Преосвященства отъ 14 Февраля сего года за № 112, по ходатайству совѣта Московской духовной академіи объ утвержденіи преподавателя Виѣанской духовной семинаріи кандидата богословія *Ивана Николина* въ степени магистра богословія, за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе подъ заглавіемъ: „Дѣянія святыхъ Апостоловъ. Опытъ историко-критическаго введенія“, Сергіевъ Посадъ, 1895 г. **Приказали:** Преподавателя Виѣанской духовной семинаріи, кандидата богословія, *Ивана Николина*, удостоеннаго академическимъ совѣтомъ степени магистра богословія, за сочиненіе, подъ заглавіемъ „Дѣянія святыхъ Апостоловъ. Опытъ историко-критическаго введенія“, утвердить, согласно представленію Вашего Преосвященства и отзыву присутствующаго въ Святѣйшемъ Синодѣ Преосвященнаго Германа, въ таковой степени; о чемъ для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ“.

Опредѣлили: Преподавателю Виѣанской духовной семинаріи *Ивану Николину* объявить объ утвержденіи его въ степени магистра богословія и выдать ему установленный магистерскій дипломъ.

V. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журалахъ совѣта академіи:

а) отъ 22 Апрѣля текущаго года:

„Апр. 30. О стипендіи нынѣ представляется; прочее, что предположено къ исполненію по сему журналу, исполнить и профессора Корсунскаго въ составъ комиссіи включить“.

б) отъ 2 Мая текущаго года:

„Мая 7. Первый пунктъ опредѣленія утверждается; по второму объявить; третій исполненъ“.

Справка: 1) Въ статьѣ IX-й журнала отъ 21 Апрѣля Совѣтъ Академіи благопочтительнѣйше просилъ ходатайства **Его Высокопреосвященства** предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи при Московской Академіи стипендіи имени покойнаго Высокопреосвященнаго Макарія, бывшаго Архіепископа Донскаго. 2) Въ статьѣ XI-й того же журнала было изложено опредѣленіе Совѣта Академіи о назначеніи профессора Ивана Корсунскаго въ составъ комиссіи по дѣлу присужденія преміи Преосвященнаго Алеутскаго Николая за кандидатское сочиненіе, писанное въ текущемъ учебномъ году студентомъ IV курса Сергѣемъ Поповымъ, на тему: „Обстоятельная біографія покойнаго Ректора Московской Духовной Академіи протоіерея Александра Васильевича Горскаго“. 3) Въ журналѣ отъ 2 Мая было изложено слѣдующее опредѣленіе Совѣта Академіи: I. Благопочтительнѣйше ходатайствовать предъ **Его Высокопреосвященствомъ** о разрѣшеніи Совѣту Академіи допустить къ чтенію лекцій по вакантной каедрѣ еврейскаго языка и библейской археологіи кандидата богословія Павла Тихомирова въ качествѣ исправляющаго должность доцента Академіи. II. Объявить кандидату Тихомирову, что для опредѣленія на должность доцента Академіи по означенной каедрѣ онъ долженъ получить степень магистра богословія, согласно § 55 устава духовныхъ академій, не позже двухъ лѣтъ со дня допущенія къ исправленію должности. III. Въ случаѣ допущенія Павла Тихомирова къ чтенію лекцій, благопочтительнѣйше просить **Его Высокопреосвященство** представить въ Инспекторскій Отдѣлъ Собственной **Его Императорскаго Величества** Канцеляріи о принятіи Тихомирова на службу въ Академію въ качествѣ исправляющаго должность доцента, съ приложеніемъ требуемыхъ закономъ свѣдѣній о немъ.

Опредѣлили: Резолюція **Его Высокопреосвященства** принять къ свѣдѣнію и исполненію,

VI. Отношенія Канцеляріи Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода:

а) отъ 19 Апрѣля текущаго года за № 2127:

„По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ текущаго 13 Апрѣля доклада Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, кандидаты Московской духовной Академіи: Сергѣй *Кулюкинъ* и Петръ *Перхоровичъ* допущены къ исполненію обязанностей по должности преподавателей,—первый въ Холмскую духовную семинарію,—по греческому языку, а послѣдній—въ Клеванское духовное училище (въ I классѣ) по русскому и церковно-славянскому языкамъ, съ окладомъ жалованья, получаемого учителями изъ студентовъ духовныхъ семинарій въ порядкѣ, ука занномъ въ ст. 8. **Высочайше** утвержденнаго 6 Мая 1894 г. Положенія о производствѣ дѣлъ по инспекторской части гражданскаго вѣдомства и въ ст. 5, **Высочайше** утвержденныхъ 4 Юля того же года, дополнительныхъ къ сему положенію правилъ“.

б) отъ 18 Мая за № 2798:

„По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 11-го текущаго Мая докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, кандидатъ Московской духовной академіи Николай *Преображенскій* допущенъ къ исполненію обязанностей по должности учителя греческаго языка въ Нолинское духовное училище, въ порядкѣ, указанномъ въ ст. 8 **Высочайше** утвержденнаго 6 мая 1894 г. Положенія о производствѣ дѣлъ по инспекторской части гражданскаго вѣдомства и ст. 5 **Высочайше** утвержденныхъ 4 Юля того же года дополнительныхъ, къ сему положенію правилъ“.

Къ сему Канцелярія Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода присовокупляетъ, что объ отправленіи упомянутыхъ лицъ на мѣста назначенной службы сообщено Хозяйственному Управленію при Святѣйшемъ Синодѣ.

Справка: По распоряженію о. Ректора Академіи кандидатамъ С. Кулюкину, П. Перхоровичу и Н. Преображенскому дано знать о назначеніи ихъ на духовно-учебную службу.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VII. Вѣдомость о Ректора Архимандрита Антонія о пропущенныхъ наставниками Академіи лекціяхъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ текущаго года, изъ которой видно, что экстра-ординарнымъ профессоромъ В. Ѡ. Кипарисовымъ опущено 6 лекцій, и. д. доцента П. П. Соколовымъ—2 лекціи и ординарнымъ профессоромъ П. И. Цвѣтковымъ—1 лекція—по болѣзни.

Опредѣлили: Вѣдомость напечатать вмѣстѣ съ журналами Совѣта.

VIII. Прошеніе заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи, Статскаго Совѣтника, Е. Е. Голубинскаго:

„По причинѣ разстроенаго здоровья, не находя возможнымъ продолжать долѣе службу въ Академіи, покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи испросить мнѣ у Высшаго Начальства увольненіе отъ службы и вмѣстѣ съ симъ исходатайствовать мнѣ выслуженную мною пенсію“.

Справка: 1) По статьѣ 8-й **Высочайше** утвержденаго 6 Мая 1894 года Положенія о производствѣ дѣлъ по инспекторской части гражданскаго вѣдомства, никакое должностное лицо гражданскаго вѣдомства не можетъ считаться уволеннымъ отъ должности до воспослѣдованія **Высочайшаго** о семъ приказа. Но подлежащимъ начальствамъ, отъ коихъ зависитъ увольненіе отъ должности предоставляется освобождать отъ исполненія обязанностей по должности и допускать къ сдачѣ дѣлъ“. 2) По статьѣ 2-й **Высочайше** утвержденныхъ 4 Юля 1894 г. дополнительныхъ правилъ о производствѣ дѣлъ по инспекторской части гражданскаго вѣдомства представленія объ увольненіи отъ классной должности вносятся въ Инспекторскій Отдѣлъ Собственной **Его Императорскаго Величества** Канцеляріи непосредственно тѣми начальствами, отъ коихъ, по силѣ дѣйствующихъ законовъ, зависитъ таковое увольненіе; при этомъ къ представленіямъ объ увольненіи отъ должности прилагаются вѣдомости со свѣдѣніями о лицѣ, уволь-

няемомъ отъ должности. 3) По § 81 лит. в. п. 5 устава духовныхъ академій увольненіи профессоровъ отъ занимаемыхъ ими должностей значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ Епархіальнаго Преосвященнаго въ Святѣйшій Синодъ. 4) По § 94 лит. в. п. 5 того же устава дѣла о назначеніи пенсій служащимъ при Академіи представляются правленіемъ Академіи чрезъ Епархіальнаго Преосвященнаго на утверженіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: 1) Благопочтительнѣйше просить ходатайства **Его Высокопреосвященства** предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ увольненіи заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи, Статскаго Совѣтника, Е. Е. Голубинскаго отъ профессорской должности; при семъ приложить требуемыя закономъ свѣдѣнія о профессорѣ Е. Е. Голубинскомъ для представленія ихъ въ Инспекторскій Отдѣлъ Собственной **Его Императорскаго Величества** Канцеляріи. 2) Дѣло о назначеніи пенсіи профессору Е. Е. Голубинскому передать въ Правленіе Академіи.

IX. Отзывы о сочиненіи настоятеля церкви при русской миссіи въ Аѣинахъ, кандидата богословія, Архимандрита Сергія (Страгородскаго) подъ заглавіемъ: „Православное ученіе о спасеніи и о сочиненіи преподавателя Таврической духовной семинаріи, кандидата богословія, Ивана Андреева, подъ заглавіемъ: „Константинопольскіе патріархи отъ времени Халкидонскаго собора до Фотія (хронологія этихъ патріарховъ и очерки жизни и дѣятельности важнѣйшихъ изъ нихъ)“. Оба сочиненія представлены на соисканіе степени магистра богословія.

А) О сочиненіи Архимандрита Сергія (Страгородскаго):
а) Ректора Академіи, Архимандрита Антонія:

„Свое прекрасное и выдающееся по талантливости и самостоятельности изслѣдованіе, авторъ начинаетъ обширнымъ введеніемъ, въ коемъ излагаетъ и опровергаетъ латинское и протестантское ученіе объ оправданіи, и указываетъ,

хотя и нежелательное, но усиливающееся вліяніе послѣд-
наго на русскую богословскую литературу по данному во-
просу, чѣмъ и приводитъ читателя къ мысли о настоятель-
ной нуждѣ въ разъясненіи этого предмета чрезъ изученіе
самого церковнаго преданія, независимо отъ богословія ино-
славнаго. Такому разъясненію посвящены дальнѣйшія главы
диссертациі, основанныя на непосредственномъ и вниматель-
номъ перечитываніи авторомъ святоотеческихъ твореній въ
продолженіи цѣлыхъ шести лѣтъ, какъ въ русскомъ переводѣ,
такъ нерѣдко и по греческому подлиннику.

Насколько въ самомъ изслѣдованіи обнаружена начитан-
ность въ отцахъ, настолько по введенію можно видѣть,
что авторъ съ большою тщательностью изучалъ литера-
туру инославную, какъ современную, такъ и средневѣко-
выхъ богословъ, а равно и символическія книги и собор-
ныя постановленія. Обладая замѣчательно тонкимъ логичес-
кимъ и психологическимъ анализомъ, авторъ со всею оче-
видностью раскрываетъ читателю глаза на ту сорную при-
мѣсь, которую внесла латинская схоластика въ христіанство,
заимствовавъ ее изъ идей классическаго міра, вменно изъ
римскаго права. Хотя эта именно раздвоенность между хри-
стіанскимъ и языческимъ элементомъ въ понятіи объ оправ-
даніи побудила основателей протестантства попытаться вы-
работать новые догматы о спасеніи, но выйти изъ создан-
ныхъ западною мыслию и жизнію религіозныхъ понятій не
удалось и имъ: въ ученіи обоихъ исповѣданій осталось стрем-
леніе умалить требованія христіанской добродѣтели до по-
слѣдней степени или покрайней мѣрѣ свести ихъ къ ка-
кимъ либо внѣшнимъ практическимъ (у римлянъ) или тео-
ретическимъ (у лютеранъ) условіямъ, оставляя нетронутымъ
самое нравственное содержаніе спасающагося. Обращаясь
къ богословію русскому, авторъ опредѣляетъ желательное
направленіе послѣдняго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свою собствен-
ную задачу, въ слѣдующихъ словахъ: „задача православ-

ной науки состоитъ не въ томъ, чтобы перенимать отъ западной науки ея Сизифову работу и истощать свои силы надъ рѣшеніемъ неразрѣшимаго вопроса и притомъ совершенно посторонняго для Православной Церкви, а въ томъ, чтобы изслѣдовать православную истину, саму въ себѣ, выяснить ея положительное содержаніе“, которое онъ и возстановляетъ далѣе относительно занимающаго его предмета въ слѣдующихъ главахъ: вѣчная жизнь, возмездіе, спасеніе, вѣра. Здѣсь авторъ мало говоритъ отъ себя, но больше библейскими и святоотеческими изреченіями, которыя онъ соединяетъ въ стройную систему. Изъ современныхъ богослововъ авторъ всего ближе примыкаетъ къ Преосвященному Теофану и охотно на него ссылается. Изъ прочихъ русскихъ писателей богослововъ онъ всего чаще ссылается на творенія Святителя Тихона.

Слѣдующія два главныя положенія выводитъ авторъ изъ святоотеческихъ разсужденій, и они то являются у него яснымъ противопоставленіемъ православнаго пониманія спасенія или оправданія отъ лжетолкованій латинянъ и протестантовъ. Богословскія разсужденія послѣднихъ основаны на разрозненіи понятія блага или наслажденія отъ добродѣланія. Первое является внѣшнею мздой по отношенію къ послѣднему; споръ между инославными лишь о томъ, какой подвигъ служить къ достиженію сей мзды: вѣра или практическія заслуги. Собранныя авторомъ слова Отцевъ раскрываютъ мысль о тождествѣ добродѣланія, какъ причины благодатнаго настроенія любви, съ тою духовною радостью, которую во всей полнотѣ вкушаютъ избавленные за гробомъ. Но это добродѣтельное настроеніе не есть нѣчто, отдѣльное отъ Бога,—оно возможно лишь при *богообщеніи*, при соединеніи человѣка съ Богомъ, которое достигается вѣроу. Такимъ образомъ и добродѣланіе и вѣра суть необходимыя условія или средства спасенія. Эту простую, но не достаточно ясную саму по себѣ мысль православныхъ учебни-

ковъ, авторъ раскрылъ во всей ея психологической правдѣ, при чемъ не только свои выводы, но и самое описаніе переживаемыхъ христіаниномъ настроеній, изложены словами Отцевъ. Въ виду указанныхъ свойствъ и достоинствъ сочиненія мы признаемъ его выдающимся трудомъ въ отечественномъ богословіи, которому суждено занять очень почетное мѣсто въ исторіи раскрытія важнѣйшаго предмета духовной жизни и считаемъ диссертацию отца архимандрита вполне заслуживающею степени магистра богословія“.

б) Экстра-ординарнаго профессора по кафедрѣ исторіи и разбора западныхъ исповѣданій В. А. Соколова:

„Не разъ намъ приходилось слышать рѣчи о томъ, что наши русскіе богословы слишкомъ много обращаютъ вниманія на жизнь и воззрѣнія чуждаго намъ инославнаго запада, а вслѣдствіе того въ нашей русской наукѣ и въ частности въ нашей православной догматикѣ нѣкоторые вопросы остаются недостаточно выясненными, опредѣленными и раскрытыми. Не считая въ данномъ случаѣ нужнымъ и умѣстнымъ объяснять, почему при своихъ ученыхъ трудахъ православные богословы перѣдко обращаютъ взоръ на западъ, и находя съ своей стороны такое обращеніе въ извѣстной степени вполне понятнымъ и законнымъ, мы тѣмъ не менѣе согласны съ тѣмъ, что дѣйствительно въ нашей русской наукѣ и въ частности въ нашей православной догматикѣ есть не мало вопросовъ, требующихъ разъясненія, а по тому и готовы съ радостію привѣтствовать всякую попытку въ этомъ направленіи. Чѣмъ болѣе будетъ появляться серьезныхъ попытокъ къ положительному раскрытію и уясненію православнаго вѣроученія, тѣмъ лучше.“

Ислѣдованіе о. архимандрита Сергія представляетъ собою одну изъ такихъ именно желанныхъ попытокъ и имѣетъ своею задачей послужить, по мѣрѣ силъ, выясненію одного изъ главнѣйшихъ пунктовъ христіанскаго ученія,—вопроса о личномъ спасеніи.—Въ виду того, что въ этомъ вопросѣ

западныя христіанскія исповѣданія далеко уклонились отъ истины православія, авторъ, для болѣе отчетливаго ея уясненія, вноситъ въ свое изслѣдованіе не только положительное раскрытіе православнаго ученія, но и критическій разборъ ученій инославныхъ.

Обширное введеніе къ своему сочиненію авторъ посвящаетъ подробному раскрытію римско-католическаго и протестантскаго ученія объ оправданіи, указывая нѣкоторые слѣды вліянія этихъ ученій и на нашу православную богословскую науку. Самое изслѣдованіе начинается основательнымъ критическимъ разборомъ такъ называемой юридической теоріи и затѣмъ представляетъ стройное раскрытіе въ послѣдовательной строго-логической связи православныхъ понятій о вѣчной жизни, блаженствѣ, возмездіи и спасеніи и объ условіяхъ послѣдняго. — Въ основу изслѣдованія положена идея тожества блага и нравственнаго добра, спасенія и нравственнаго совершенства.

Сочиненіе Архимандрита Сергія имѣетъ вполне научный характеръ. Во всѣхъ своихъ частяхъ оно утверждается на основательномъ изученіи достаточнаго и въ каждомъ случаѣ наиболѣе потребнаго научнаго матеріала. При характеристикѣ и изложеніи инославныхъ ученій авторъ руководится символическими книгами западныхъ христіанскихъ исповѣданій и произведеніями лучшихъ, какъ древнихъ такъ и новыхъ, римско-католическихъ и протестантскихъ богослововъ, каковы наприм.: Тома Аквинскій, Шенкель, Бретшнейдеръ, Бадерманъ, Шееле, Перроне, Мартенсенъ, Клее и др.. При критическомъ разборѣ инославныхъ заблужденій и при положительномъ раскрытіи православнаго ученія авторъ опирается на многочисленныхъ свидѣтельствахъ священнаго писанія Ветхаго и Новаго Завета и въ особенности на твореніяхъ отцевъ и учителей Церкви, начиная съ мужей Апостольскихъ и оканчивая новѣйшими и даже современными православными богословами, какъ напр.: св.

Димитрій Ростовскій, св. Тихонъ Задонскій и преосвященный Теофанъ. Неоднократно и изъ богослужебныхъ книгъ авторъ заимствуетъ нѣкоторыя черты, служащія къ уясненію православной истины.

Вниманіе читателя съ особеннымъ интересомъ и признательностію останавливается на свидѣтельствахъ, извлеченныхъ авторомъ изъ твореній отцевъ и учителей Церкви. Отечественія свидѣтельства авторъ собралъ въ такомъ обиліи, что онѣ занимаютъ собою, думается намъ, до половины разсматриваемаго сочиненія. Это обстоятельство составляетъ одну изъ выдающихся характеристическихъ особенностей сочиненія о. Сергія и можетъ быть поставлено ему въ особенную заслугу. Не изъ готовыхъ системъ и изслѣдованій заимствовалъ онъ приводимыя имъ свидѣтельства, но излекъ ихъ изъ непосредственнаго, иногда даже неоднократно, чтенія многочисленныхъ, относящихся къ предмету, отеческихъ твореній. Вотъ почему въ его сочиненіи упоминаются творенія такихъ отцевъ и учителей, которые очень мало употребительны при обычныхъ богословскихъ изслѣдованіяхъ, и изъ наиболѣе извѣстныхъ отцевъ приводятся такія выдержки, которыхъ нигдѣ доселѣ встрѣтить не приходилось. Если для православнаго богослова обращеніе къ отеческой литературѣ составляетъ наилучшій путь при изслѣдованіи Богооткровенной истины, то сочиненіе о. Сергія служитъ въ этомъ отношеніи однимъ изъ отрадныхъ образцовъ.

Другую выдающуюся особенность разсматриваемаго изслѣдованія составляетъ обнаруживающаяся въ немъ глубина и искренность убѣжденія. Въ началѣ своего труда авторъ говоритъ: „вопросъ о личномъ спасеніи не можетъ быть лишь теоретической задачей; это вопросъ самоопредѣленія. Сказать себѣ серьезно, что нужно дѣлать, чтобы спастись, значитъ произнести судъ надъ всѣмъ своимъ душевнымъ содержаніемъ“. Читая изслѣдованіе о. Сергія постоянно

чувствуешь, что онъ именно рѣшаетъ не теоретическую только задачу, а жизненный вопросъ самоопредѣленія. Видно, что авторъ глубоко продумалъ и прочувствовалъ все то, что высказываетъ на страницахъ своего сочиненія; много наблюдалъ надъ душевными настроеніями челоуѣка и сообщаетъ иногда весьма серьезные и мѣткіе результаты своего психологическаго опыта и наблюденія. Эти свойства сочиненія въ связи съ его убѣжденнымъ, подъ-часъ даже горячимъ, тономъ имѣютъ своимъ прямымъ послѣдствіемъ то, что трудъ его не только читается съ интересомъ, какъ умная книга, но и назидаетъ, оставляетъ по себѣ слѣдъ на душѣ читателя.

. Задачей своего труда, какъ показываетъ и его заглавіе, авторъ поставилъ изслѣдованіе вопроса о спасеніи, т. е. такъ называемую субъективную сторону искупленія. Къ такой постановкѣ дѣла онъ побуждался, между прочимъ, тѣмъ, что именно эта сторона православнаго догмата, не смотря на ея великую важность, обыкновенно всего менѣе является раскрытою въ богословскихъ системахъ и изслѣдованіяхъ. Свою задачу авторъ выполнилъ съ достаточною широтою и основательностію, съ успѣхомъ восполняя такимъ образомъ въ православной богословской наукѣ иногда замѣтно дающей себя чувствовать пробѣлъ. Но намъ думается, что благодаря усиленной борьбѣ противъ такъ называемой юридической теоріи и нѣкоторому увлеченію въ принятомъ направленіи, трудъ автора является одностороннимъ и потому производитъ на читателя нѣсколько своеобразное впечатлѣніе. Авторъ такъ мало касается объективной стороны искупленія, что читатель совсѣмъ забываетъ о ней и иногда склоненъ думать, что какъ будто, при ходѣ мыслей автора, ей совсѣмъ не остается мѣста. Въ православно богословскихъ курсахъ принято выраженіе, что Господь Іисусъ Христосъ есть нашъ Искупитель, принесъ Себя Богу въ жертву за грѣхи всѣхъ людей и тѣмъ пріобрѣлъ имъ по-